

Памятники обычного права османского времени/Составитель, автор вводного текста и комментариев Ю. В. Иванова. М., 1994. 254 с.

Разрыв политических отношений между бывшим СССР и Албанией в 1960—1980-х гг. не привел к полному сворачиванию исследований албановедческого направления¹. Выходили в свет книги и отдельные статьи в тематических сборниках по истории, языкознанию, фольклору, публиковались и этнографические исследования². В результате перестроечных изменений наша наука, к счастью, освободилась от политического цензурирования. Удачно, что в этот период был опубликован обобщающий труд по Албании³. Возобновившиеся с 1990 г. полнокровные отношения с Албанией вновь пробудили широкий общественный интерес к этой балканской стране, удовлетворить который можно только интенсификацией работы по историко-этнографическому албановедению.

Рецензируемая работа отвечает именно этой задаче. В ней Ю. В. Иванова представила российскому читателю перевод одного из самых значительных и единственно зафиксированного памятника обычного права албанцев так называемого «Кануна Леки Дукагини». В публикацию включены четыре варианта (извода) «Кануна», составленные по разновременным записям Й. Лозовича и Р. Касмаянца (осуществлены в 1890-х гг.), Шт. К. Гечови (1910-е гг.) и Б. Паляя (1940 г.). Отныне достоянием российской науки стал ценнейший исторический памятник балканского средневековья, без которого невозможно адекватно представить социально-экономическую и этнокультурную ситуацию на албанских землях в период османского владычества.

Важнейшее источниковедческое значение «Кануна» способствовало его переводу на многие языки⁴, в том числе на русский, который был осуществлен Ю. В. Ивановой еще в 1950-е годы. К сожалению, в тот период работа не была введена в широкий научный оборот, но спустя четыре десятилетия послужила основой для нового варианта перевода, представленного в настоящем издании⁵.

Перевод памятников обычного права весьма непростое дело. Самобытный язык, обилие фразеологизмов и идеом, которым не всегда можно найти точный эквивалент, специфический стиль — все это требует от переводчика виртуозного профессионализма, который, впрочем, часто оказывается бессильным в сложной ситуации выбора между смыслом и стилем. Как правило, в жертву приносится последний, что в общем-то оправдано, хотя во многом лишает перевод ценнейших черт, присущих первоисточнику.

В данном случае очевидно, что переводчики достойно справились с задачей. В русском тексте сохранены не только смысл публикуемых документов, но и стилистические особенности подлинников. Это наглядно видно при анализе перевода текстов Шт. К. Гечови. Его труд это не просто публикация записанных норм обычного права. Собрав огромный материал, Шт. К. Гечови провел трудоемкую работу по его обработке и структурированию, которое осуществлено в соответствии с общественной позицией и мировоззрением составителя. Характерно, например, что, набожный францисканец Шт. К. Гечови в первую книгу «Кануна» свел нормы, касающиеся церкви и лишь затем счел необходимым поместить разделы «Семья», «Брак», «Дом» и др.

Важное значение придавал он и литературной обработке собранного материала. Исследователями отмечалось, что в его записях прослеживаются три речевых стиля, которыми составитель пользовался при: а) фиксации устойчивых правовых формул, б) их юридической интерпретации, в) описании обрядовых действий. Чередование этих стилей составляет основную особенность языка этого варианта «Кануна»⁶. К счастью, переводчики избежали соблазна унифицировать перевод. Помимо прочего, это сохранило для русского читателя более полное представление о подвижническом труде патера Шт. К. Гечови и его книге, публикация которой сыграла огромную роль в духовной жизни албанского общества в переломный период истории, связанный с поисками путей самобытного развития молодого независимого государства.

Несмотря на длительный, почти вековой опыт исследований и интерпретаций, в «Кануне» еще немало непроясненных деталей. Так, нельзя считать решенным вопрос о связи «Кануна» с именем Леки Дукагини, которому традиция и многие ученые приписывают авторство, или, по крайней мере, кодификацию законника. Ю. В. Иванова занимает полярную позицию, отрицая участие конкретного лица, в том числе и Леки, в составлении или кодификации «Кануна». Последний, по ее мнению, — «комплекс норм обычного права, результат народного правотворчества».

Трудно не согласиться с тем, как Ю. В. Иванова определяет источник «Кануна». По ее мнению, он опирается на народные обычные нормы, первоначальный генезис которых восходит к эпохе родовой

общины. В социальной практике они появились не в результате индивидуального нормотворчества, а как следствие самоорганизации общества, как способ упорядочения все более усложнявшейся социальной, экономической, духовной деятельности общины. В этом случае обычные нормы не могут, как правило, иметь конкретного авторства.

В то же время упорное соотносение в народной памяти «Кануна» с именем Леки Дукагини (об этом свидетельствует и приводимый Ю. В. Ивановой собственный полевой материал), на мой взгляд, не может быть случайным и, следовательно, требует пояснений. Лека реально существовавшая личность, виднейший политический деятель Албании XV столетия, один из признанных вождей антиосманского движения⁷. Лека занимал высокое место в социальной иерархии того времени, будучи представителем знатной феодальной фамилии, влияние которой в Северной Албании распространялось далеко за пределы своей родовой территории (*флямюра*). Подвластными людьми Дукагини правили единоправно. Их правление основывалось на нормах существовавшего в тот период обычая, который как для Дукагинов, так и для их подданных был самым авторитетным и по существу единственным источником правосознания.

Возвышение Леки усилило потестарные тенденции. Своим авторитаризмом он, вероятно, окончательно сумел подавить общинные основы социальной жизни, сведя к минимуму значение таких ее традиционных институтов, как совет старейшин (*плекния*), народные сходы (*кувенды*) и др. Отныне все решения, хотя и основанные на обычном праве, объявлялись от имени и по повелению Леки. Именно это обстоятельство, по-видимому, отложило в народной памяти его имя как законодателя и творца «Кануна», прибавив немалую толику исторической славы этому деятелю, который в сознании албанцев стоит рядом с такими национальными героями, как Г. К. Скандеберг, Али-паша Тепелена и др. В то же время не лишено оснований предположение албанского этнографа Р. Зойзи о том, что Лека в ряде случаев занимался и нормотворчеством, приспособлявая древние обычаи к новым условиям социально-экономической жизни. В приложении к изводу Шт. К. Гечови содержатся весьма выразительные примеры, как народная память приписывает Леке упорядочение системы кровной мести. Думаю, что некоторые реальные исторические факты в данном случае несут на себе налет легенд. Вендетта всегда была дестабилизирующим фактором социальной жизни. Даже традиционное общество, признавая по обычаю право и обязанность обиженного мстить, тем не менее стремилось как можно скорее погасить кровавый раздор, выработав действенный механизм примирения враждующих родов.

Нараждающаяся авторитарная власть в лице феодальных правителей еще в большей степени стремилась взять вендетту под свой контроль, не говоря уже о государственной администрации, которая, пожалуй, ни с одним из социальных институтов традиционного общества не боролась столь решительно и беспощадно, как с кровной мстью. С этой точки зрения действия Леки Дукагини вполне резонны. Вводя, как об этом свидетельствует приводимый Гечови документ, нормы, ограничивающие круг кровной мести, правитель, прежде всего, преследовал цель сохранить социальный мир в своих владениях.

Коллизии социальной жизни, в том числе феодально-клановые интересы фамилии Дукагини, требовали и других решений, появившихся в общеправовой практике североалбанских горцев в результате волеизъявления правителя Леки, но механизм нормотворчества мог быть реализован и по другим каналам. Во вводной статье Ю. В. Иванова показала основные пути социально-экономического развития албанского общества, определившие исторические рамки изменений общеправовых институтов. Теоретические постулаты находят подтверждение в документах. В частности, в приложении к изводу Шт. К. Гечови даны датированные в основном XVIII—XIX вв. постановления собраний территориальных единиц — *байраков*, договорные обязательства — *бесы* и др., которые предоставляют конкретные факты для иллюстрации процесса модернизации и модификации норм обычного права североалбанских горцев.

Помимо общего вступления к публикации, каждый из изводов «Кануна» снабжен собственным введением и краткими, но чрезвычайно емкими комментариями. Последние совершенно необходимы для работы с текстом, ибо, как и всякий материал по обычному праву, он насыщен специальной терминологией, индивидуальными речевыми оборотами, многими пассажами, понимание которых для стороннего читателя может составить известные трудности. Но Ю. В. Иванова внимательный комментатор. Ее экспликации содержат точную, строго необходимую информацию, целевая установка которых ситуационно различна: в одних случаях комментатор лишь разъясняет конкретное содержание термина, в других — раскрывает реальное содержание неясного при буквальном восприятии речевого клише, в третьих — дает описание упомянутого в тексте обряда, обычая или ритуала и т. д. В целом комментарии Ю. В. Ивановой складываются в своеобразный компендиум сведений по исторической этнографии албанцев, и в этом контексте приобретают как бы автономное значение в рамках рассматриваемого издания.

Фундированность комментариев обеспечена еще и тем, что Ю. В. Иванова во время полевой работы в Албании в 1956—1960 годах смогла наблюдать за традиционным сельским бытом, в значительной еще мере определявшемся нормами средневекового обычного права.

Значение «Кануна Леки Дукагини» как ценнейшего исторического источника не подлежит сомнению. Возможности для исследовательского анализа здесь намного шире, чем те направления, которые обозначила Ю. В. Иванова во вступительной статье. Впрочем, составитель прав, когда отмечает, что из опубликованных материалов вырисовывается жизнь горцев — по преимуществу свободных общинников — с середины XIX до первых десятилетий XX века во всех многообразных аспектах их бытовой культуры. При нынешней скудости нашей албановедческой литературы выход в свет комментированного перевода «Кануна Леки Дукагини» — событие знаменательное, дающее надежду на оживление исследовательской работы на данном направлении отечественной балканистики.

Примечания

¹ Иванова Ю. В. Балканская этнография в СССР // Балканские исследования. Вып. 5. Основные проблемы балканистики в СССР. М., 1979. С. 164—183; *ee же*. Problemet e etnografisë shqiptare në studimet e shkencetareve sovjetike // Seminari mbi kulturën shqiptare për të huaj. Prishinë, 1978. № 4. F. 309—316. (Проблемы албанской этнографии в работах советских ученых // Семинар албанской культуры для иностранцев. Приштина, 1978, № 4. С. 309—316).

² Иванова Ю. В. Северная Албания в XIX — начале XX в. М., 1973.

³ Арш Г. П., Иванова Ю. В., Колпакова О. А., Смирнова Н. Д. Краткая история Албании. М., 1992.

⁴ Последний английский перевод см.: The Code of Leke Dukagjini. N. Y., 1989.

⁵ Перевод с албанского выполнен Ю. В. Ивановой, О. А. Колпаковой и Л. Г. Милько; перевод с сербскохорватского — Ю. В. Ивановой и отредактирован Т. П. Поповой.

⁶ Десницкая А. В. К изучению языка памятников обычного права // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 69.

⁷ Hauziński J., Leśny J. Historia Albanii. Wrocław; W-wa; Kraków. 1992. С. 99.

Ю. Д. Анчабадзе

© 1996 г., ЭО, № 2

Этнология. Учебник для высших учебных заведений. /Под ред. Г. Е. Маркова, В. В. Пименова. М., 1994. 382 с.

Вышел в свет новый учебник для высших учебных заведений «Этнология». Событие радостное, так как подобных пособий для студентов и интересующихся вопросами истории и культуры народов мира все еще не так много. Несколько поколений студентов изучали этнологию по «Основам этнографии» * С. А. Токарева, «Этнографии» **, монографиям и научно-популярным изданиям П. И. Кушнера ***, В. В. Покшишевского ****, Р. Ф. Итса, Н. Н. Чебоксарова и др.

Авторский коллектив нового учебника остался, за небольшим исключением, тем же, каким он был при подготовке учебника «Этнография». Авторы обоих изданий — крупные специалисты-этологи, представители отечественной школы народоведения, имеющей глубокие корни в прошлом столетии. За время с 1982 г. авторам пришлось пройти нелегкий путь переосмысления многих проблем этнологии, да и в целом истории. Они же — активные участники этнографических исследований в 1986—1990-х годах. Этот период в развитии этнографии основательно дополнил фактологический и теоретический потенциал науки, обогатил ее новыми знаниями и положениями. Таким образом, ни компетентность, ни адекватность отражения в учебном пособии происходящих перемен и нововведений в этнографии не вызывают сомнений.

Первая глава учебника «Этнология: предметная область, социальные функции, понятийный аппарат» привлечет, видимо, особое внимание. Она написана с учетом новейшей литературы, постоянно

* С. А. Токарев. Основы этнографии. М., 1968.

** Этнография / ред. Ю. В. Бромлей, Г. Е. Марков. М., 1982.

*** П. И. Кушнер. Первобытное и родовое общество. Хрестоматия. М., 1925 г. и др.

**** В. В. Покшишевский. География населения Зарубежных стран. М., 1971.